

УДК 330.88

JEL B59

Экономические теории и эволюция пропаганды

КОШМАРОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ,*канд. техн. наук,**директор по разработке инновационных технологий фонда РОПЦ, Москва, Россия**mk69@yandex.ru***ТРУБЕЦКОЙ АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ,***д-р психол. наук, президент фонда РОПЦ, Москва, Россия**alexeytrubetskoy@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется развитие мировой экономической системы в контексте экономических теорий Смита, Кейнса, Фридмана и влияния пропаганды на этот процесс. Это влияние позволяет говорить о возникновении к середине XX в. модели Кейнса-Бернайса, а к началу XXI в. — неэкономической (постиндустриальной) модели, в которой доминирует пропаганда. В этой новой модели спрос и предложение, прибавочная стоимость, цены и пр. создаются движением информации. Кроме того, в статье формулируется «правило четырех частей», характеризующее современный рынок труда в развитых странах. Основные выводы работы — тезисы о синергии экономики и пропаганды, о необходимости дальнейшего исследования этого феномена.

Ключевые слова: политэкономия; пропаганда; модель Кейнса-Бернайса; неолиберализм; правило четырех частей; неэкономика; синергия пропаганды и экономики.

Economic Theories and Evolution of Propaganda

KOSHMAROV M.Y.,*PhD in Technical Sciences, Director for development of innovative technologies at the Russian Social and Public Center Foundation, Moscow, Russia**mk69@yandex.ru***TRUBETSKOY A.Y.,***PhD in Psychology, President of Russian Social and Public Center Foundation, Moscow, Russia**alexeytrubetskoy@gmail.com*

Abstract. The article explores the evolution of the global economic system in the context of economic theories developed by Smith, Keynes, and Friedman and the impact of propaganda on that evolution. The influence of propaganda is evidenced by the uprise of the Keynes-Bernays model in the middle of the 20th century, followed by the neo-economic model the beginning of the 21st century in which propaganda is dominating. In this model supply and demand, as well as value added, quotations, prices, etc. are created by the flows of information. Furthermore, the article introduces the “rule of four parts” which is characteristic of the modern labor market in developed countries. The authors postulate the synergy between propaganda and economy, a phenomenon which requires further research.

Keywords: political economy; propaganda; Keynes-Bernays model; neo-liberalism; rule of four parts; neo-economy; social networks; synergy between propaganda and economy.

С античных времен мыслители исследовали отношения государства и экономики с целью объяснить и усовершенствовать существующую (на момент исследования) экономическую систему. При этом большинство экономик мира до XIX в. развивалось за счет бесплатного труда рабов. В обществе и науке господствовало теоцентрическое мировоззрение. В 1776 г. Адам Смит опубликовал исследование, где сформулировал основные принципы политэкономии. Основопологающим он назвал принцип несовместимости государства, состоящий в том, что нет необходимости (и даже вредно) регулировать рынок протекционистскими, таможенными или дотационными законами. Все составляющие экономики — «сообщающиеся сосуды», а значит, искусственное давление на один всегда компенсируется другими.

Тем не менее в обязанности государя (государства), по мнению Смита, должны входить: защита народа от агрессии других народов (оборона), защита «каждого члена общества от несправедливости и притеснения его другими членами общества» [1, с. 555] (суды), поддержка образования, обустройство дорог, «поддержание величия и достоинства государя» [1, с. 650].

Все остальное рынок отрегулирует сам. Смит подразумевал также, что гарантией гуманности и справедливости такой системы, помимо судов, является вера в Бога, высокая нравственность и честность прихожан англиканской церкви. Воскресные проповеди в те времена были одним из основных пропагандистских инструментов поддержания согласия в обществе. Эта система строилась на аксиоме «Богатство от Бога», ставшей одним из основных результатов реформации, начавшейся в 1517 г. с 95 тезисов богослова Мартина Лютера.

Ко временам Адама Смита капиталистическая протестантская этика не только победила феодальную католическую во всех англосаксонских странах, но и была экспортирована в США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и др. Вера в Бога, общественная мораль и нравственность являлись в то время само собой разумеющимися, а достаток (потребление) служил доказательством благонадежности: «...в наше время в большей части Европы уважающий себя поденщик постыдится показаться на людях без полотняной рубашки, отсутствие которой будет сочтено свидетельством той унижительной степени бедности, в которую, как предполагается, никто не может впасть иначе

как в результате чрезвычайно плохого поведения» [1, с. 698]. Однако христианские заповеди и ценности европейской цивилизации не распространялись на рабов. Англосаксонская колониальная политика была рациональна и цинична. Сравнивая управление колониями, Смит отмечает наличие пропасти между колониями Америки и Индии, показывая, что передача функций государства монопольной торговой компании приводит к катастрофическим последствиям: «Управление монопольной компании купцов является, пожалуй, самым худшим из всех правительств для любой страны» [1, с. 458]. И, наоборот, там, где «власть собрания держит в узде исполнительную власть» [1, с. 471], колония процветает: «Одним словом, все гражданское управление Северной Америки [...] стоило жителям не больше 64 700 фунтов в год; это — вечно памятный пример того, с какими ничтожными издержками можно не только управлять, но и хорошо управлять трехмиллионным населением» [1, с. 461].

Там же об Индии: «Что это вообще за странное правительство, если каждый член его администрации стремится поскорее уехать из страны, и если каждому члену администрации на другой же день после того, как он уехал и увез с собою свое состояние, совершенно безразлично, что вся страна будет уничтожена землетрясением» [1, с. 516]. Там же: «В других случаях давалось приказание противоположного характера, и хорошее поле риса или другого хлеба перепахивалось, чтобы уступить место плантации мака; это делалось, когда начальник предусматривал возможность получения чрезвычайно большой прибыли от опиума» [1, с. 513].

Такая хозяйственная деятельность Ост-Индийской компании, как известно, привела к голоду в Бенгалии, вошедшему в историю из-за своих беспрецедентных масштабов. Стоит добавить, что этот опиум предназначался в основном не для Великобритании, а для Китая, где количество зависимых в какой-то момент достигло критического значения для китайской государственности и привело к «опиумным войнам».

В течение следующих 150 лет экономика видоизменялась: машины постепенно заменяли рабский труд, а с появлением электричества значительно увеличилась скорость передачи информации и денег. Теоцентризм сменялся антропоцентризмом, а духом капитализма, как справедливо отметил немецкий социолог Макс Вебер, стала проповедь Бенджамина Франклина во славу не Господа Бога, а трудолюбия, честности и бережливости.

В пропаганде также произошли качественные изменения: ответственность за общественное согласие перестала быть монопольной заботой государства и церкви. Крупные частные компании создали сотни частных газет для кратно разросшейся аудитории, и появилось новое информационное поле, где гравитацию создавали уже не власть и церковь, а капитал. Но печатное слово все еще оставалось роскошью — во-первых, далеко не все умели читать, во-вторых, у людей часто не было времени на чтение и анализ прочитанного.

Экономические и мировоззренческие изменения к началу XX в. создали противоречия, которые привели к мировой войне и распаду четырех империй: Российской, Австро-Венгерской, Германской и Османской. Америка, будучи уже одной из крупнейших экономик мира (хотя и второстепенной — политически), не могла оставаться в стороне от крупнейшего передела мира и, правильно выбрав момент, в апреле 1917 г. вступила в свою самую выгодную военную кампанию и победила с минимальными потерями, став мировым политическим и экономическим лидером.

Одним из творцов этой победы был Эдвард Бернайс — классик пропаганды, разработавший и внедривший большинство ее принципов, которые действуют и по сей день. В 1928 г. Бернайс опубликовал свой манифест «Пропаганда», где изложил принципы управления обществом.

Позже, в 1936 г., английский экономист Джон Мейнард Кейнс, проанализировав накопленный со времен Смита опыт, выводит свою «Общую теорию занятости, процента и денег», где провозглашает главным пороком современного общества «неспособность обеспечить полную занятость и справедливое распределение богатств и доходов» [2, с. 340], критикует свободный рынок, предлагает ограничить биржевых спекулянтов, организовать «эвтаназию рантье, а значит, и гнета капитала» [2, с. 343]. Далее, используя единый эмиссионный центр, следует регулировать связанную через мультипликаторы («значения которых есть функция от психологических склонностей населения» [2, с. 118]) гидравлическую систему экономики — количество денег, занятость, склонность населения к потреблению, к сбережению и к инвестициям единственным инструментом — банковским процентом.

Важным здесь видится следующее. Все вышеперечисленные экономические параметры Кейнс рассматривает с точки зрения психологии масс, вскользь замечая: «При обычных предпосылках относительно

поведения участников экономического процесса увеличение занятости [...] может сопровождаться уменьшением потребления [...], например, во время войны, в результате пропаганды в пользу ограничения личного потребления» [2, с. 117]. И далее: «Расширение функций правительства в связи с задачей координации склонности к потреблению и побуждения инвестировать [...] — единственное практически возможное средство избежать полного разрушения существующих экономических форм...» [2, с. 347].

Работы Кейнса и Бернайса вывели осознание влияния пропаганды на экономику на новый уровень. Стала очевидна зависимость макроэкономики от психологии масс. После Второй мировой войны в странах-победительницах (кроме СССР) был материализован принцип из романа Олдоса Хаксли «О дивный новый мир»: «Зачем старое чинить, лучше новое купить» [3]. Постулаты Бернайса и Кейнса стали использовать как базовые, и началась реализация новой политэкономической модели — общества потребления, живущего большую часть жизни в долг. Общественное согласие стало конструируемым продуктом, а демократические выборы — неотъемлемой частью потребления. Смысл общественного договора выразился в формуле: пожизненный потребительский кредит в обмен на лояльность.

Несмотря на то что такой договор нес в себе опасность потери части гражданских свобод (что происходит и в наше время), пропаганда в этом конструкте пока еще работала во благо подавляющего большинства, коль скоро послевоенное население и благосостояние росли. С технологической точки зрения такая модель стала возможна только с превращением радио и телевидения в средства массовой информации (СМИ). Инструментарий остался тот же, что и во времена «борца с рабством» Джона Брауна: формирование мифа, выбор каналов коммуникации и финансирование повторения до тех пор, пока миф не станет общеизвестным фактом [4].

В 1947 г. Бернайс, пересмотрев свою оценку манипулирования массами как «важной составляющей демократического общества» [5], пришел к выводу, что: «инженерия согласия выступает *сутью* демократического процесса» [6].

В реальности итогами войны стали демонтаж старой мировой экономической системы и строительство новой, где доллар стал единой резервной валютой. Были созданы надгосударственные структуры: ООН, Всемирный Банк, Международный валютный фонд, которые, в свою очередь, разрабатывали глобальную экономическую модель — «Ва-

шингтонский консенсус» — таким образом, чтобы другие страны (их называли развивающимися) всегда оставались бы не конкурирующими экономиками, а рынками сбыта и сырьевыми донорами. Такой консенсус поддерживается нормативами и правилами, согласно которым каждая вновь присоединившаяся национальная экономика оценивается и ранжируется по стандартам развитых стран. Новая система усовершенствовала биржевой инструментарий так, чтобы контролировать цены на сырье и иметь возможность канализировать неликвид через механизмы кризисов. К СМИ добавились ТВ и мощнейшая киноиндустрия, которые формировали ценности, принципы, правила и модели поведения нового мира. К началу 80-х гг. прошлого века с широким внедрением компьютеров экономическая система усложнилась и видоизменилась настолько, что потребовались изменения и в законодательствах основных «игроков». К власти пришли политики новой формации, осуществившие эти изменения. В 80-х гг. Рейган, Тэтчер, Хоук и Малроуни сменили госконтролируемый симбиоз экономики и пропаганды (назовем его «модель Кейнса-Бернайса») на неолиберальную противоположность, основным принципом которой стала либерализация экономики по Фридману–фон Хайеку. С этого же момента внешняя политика США была синхронизирована с ядром Британского содружества для того, чтобы приблизить конец холодной войны.

Важно выделить и другие последствия смены модели Кейнса-Бернайса на неолиберальную: дерегулирование банковской системы 1987–2006 гг., выросшее более чем 365:1 соотношение вознаграждений руководителей и рядовых исполнителей, повлекшее классовое расслоение развитых стран и появление армии люмпенов, получающих в этих странах пособия. Были приняты экстерриториальные пакеты законов: антикоррупционные, антинаркотические, антитеррористические и налоговые, законодательно закрепляющие за правительствами развитых стран право арестовывать, судить и карать чужих граждан, а также проводить военные операции в любой точке мира.

Теоретик и апологет неолиберализма нобелевский лауреат Милтон Фридман, создатель доктрины шоковой терапии и кумир Маргарет Тэтчер, в 1962 г. в своей книге «Капитализм и свобода» писал: «Для свободного человека страна должна быть совокупностью составляющих ее индивидуумов, а не какой-то вышестоящей инстанцией. Свободный человек гордится общим наследием и верен общим

традициям. Однако он смотрит на государство как на средство, инструмент, а не как на источник милостей и подарков и не как на господина или Бога, которому следует слепо поклоняться и которому нужно служить. Свободный человек не признает никакой национальной цели, если она не является консенсусом целей, к которым граждане стремятся по отдельности. Он не признает никакой национальной задачи, если она не является консенсусом задач, которым по отдельности служат граждане» [7, с. 283].

Можно сказать, что «монополия купцов» была бы идеальным государством по Фридману: совокупность индивидуумов вместо народа и консенсус интересов вместо национальной идеи. Там же: «Мало какое событие сможет подорвать самые основы свободного общества так же сильно, как принятие руководителями корпораций какой-либо социальной ответственности, кроме ответственности заработать для своих акционеров как можно больше денег» [7, с. 188].

Критик неолиберализма американский философ Ноам Хомский в 1999 г. в своей статье «Прибыль на людях. Неолиберализм и новый мировой порядок» писал о корпорациях: «Теории, предназначенные для оправдания этих «коллективных правовых субъектов», как иногда их называют историки права, основаны на идеях, которые лежат в основе фашизма и большевизма: права этих субъектов выше и значительнее, чем права личностей. Эти «коллективные правовые субъекты» пользуются значительными льготами, предоставляемыми им государством; более того, эти «коллективные правовые субъекты» по сути дела повелевают государствами... Они установили прочный контроль над национальной и международной экономикой, равно как и над информационной системой и системой идеологических представлений общества» [8].

Важно отметить, что установление неолиберальной модели совпало с концом жизненного цикла марксистского эксперимента, и это немедленно было записано неолибералами на свой счет. Последовательность этих двух событий, по их мнению, убеждает сомневающихся в детерминированности, а значит, и в правильности происходящего. Иногда это подается как «цена победы в холодной войне», однако очевидцы и специалисты знают, что в 80-х гг. это был почетный мирный договор, позже превращенный компрадорскими правительствами 90-х гг. в разорительный для собственных стран и народов фарс.

Еще одним побочным эффектом либерализации и финансовой дерегуляции стал ипотечный кризис.

В 2007 г. весь мир был шокирован крахом пирамиды ипотечных кредитов. Это потрясение общественного сознания сравнимо с разрушением башен-близнецов, так как три крупнейших американских рейтинговых агентства, воспринимаемые мировым сообществом как государственные, незыблемо надежные, оценивающие страны и компании, рейтинги которых по сей день определяют работу всех банков и бирж мира, гарантировали ликвидность, как выяснилось, «мусорных» финансовых инструментов. На сегодня два таких агентства после многолетнего расследования согласились с обоснованностью обвинений и выплатили более 2 млрд долл. США компенсации для урегулирования всех претензий и прекращения расследования, что, конечно, видится смехотворной суммой, учитывая масштаб убытков в результате содеянного (<https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2015/02/04/sp-pogasilo-ipoteku>). Таким образом, принятие неолиберального «Закона о финансовой модернизации» 1999 г. создало предпосылки для нарушения базовых принципов экономического регулирования и систематической фальсификации рейтингов.

Еще одна, крайне важная, на наш взгляд, тенденция требует подробного рассмотрения. Новое общество характеризуется свойством, которое для простоты назовем *правилом четырех частей*. Суть этого правила в следующем: низкоквалифицированный труд предоставлен приезжим рабочим из бедных стран. Оплату труда теперь можно разделить условно на четыре не обязательно равные части. Одна часть — это плата самому иностранному рабочему и его семье, находящейся на далекой родине. Вторая часть — гражданину метрополии, вместо которого трудится иностранец, в виде пособия по безработице, еще одна часть расходуется на администрирование, причем это не обязательно коррупция, а, например, пропаганда мультикультурализма. Все это вместе позволяет нанимателю иностранца получать четвертую часть — прибыль, часто без каких-либо социальных нагрузок. Следует добавить, что такой иностранец находится на низшем социальном уровне страны, где трудится де-факто в положении раба.

Таким образом, растут две группы малоимущих: коренных люмпенов — получателей пособия по безработице, которые дают прямую убыль населения и работающих иностранцев, которые покрывают эту убыль традиционно большими семьями. В такой ситуации неизбежно возникнет паритет, который опасен тем, что помимо экономического неравенства

имеет место религиозное и культурологическое разделение. Политика мультикультурализма помогает лишь адаптировать вновь прибывших, не решая системных противоречий, которые могут привести к социальному взрыву и значительным жертвам. Это основная опасность. Уже сейчас мы видим периодически вспыхивающие погромы и бунты во Франции, Германии и США. Есть еще один важный аспект такой экономики, опасный даже с точки зрения Адама Смита: «У древних римлян земли богатых обрабатывались рабами, которые работали под надзором надсмотрщика, бывшего тоже рабом, так что неимущий свободный человек имел мало шансов устроиться арендатором или батраком. Точно так же все промыслы и мануфактуры, даже розничная торговля, велись рабами богатых в пользу их господ; богатство, власть и покровительство последних делали трудным для неимущего свободного человека выдерживать конкуренцию с рабами. Поэтому граждане, не обладавшие землей, не имели почти никаких других средств к существованию, кроме подачек кандидатов на ежегодных выборах» [1, с. 448].

Можно сказать, что это производная модели Кейнса-Бернайса — «согласие без согласия» и без социальных расходов. Здесь мы не рассматриваем социальные проблемы, неизбежные в обозримом будущем при замене многомиллионной армии иностранных работников автоматами и роботами. Отметим лишь, что сегодняшняя пропаганда поддерживает модель с прогнозируемым взрывом и работает на обострение этого противоречия. Тем не менее период распада такой вновь создаваемой экономики может быть достаточно продолжительным с учетом значительных экономических, пропагандистских, военных и технических ресурсов.

С точки зрения социологии можно говорить о завершающей стадии строительства общества по «Законам» идеального государства Платона: «Ремесла там поручены чужеземцам; земледелие предоставлено рабам, собирающим с земли жатву достаточную, чтобы люди жили в довольстве» [9, с. 246]. Там же: «гражданину достаточно владеть тем искусством, которое одновременно нуждается в упражнении и во многих познаниях, это — умение поддерживать и соблюдать общегосударственное благоустройство» [9, с. 284]. Одновременно с преобразованиями в экономике и пропаганде формируется и правовая база этих преобразований. К 2016 г. были готовы к подписанию три взаимосвязанных глобальных законопроекта: TiSA (Соглашение о торговле услугами), которое по замыслу должно сделать одним

целым будущих участников Трансатлантического (ТТИР) и Тихоокеанского (ТТР) торговых партнерств. С принятием этих документов страны-участницы согласились бы с тем, что корпорации де юре получают надгосударственные права для дальнейшей либерализации экономики. Немного упрощая, можно сказать, что страны-подписанты могли бы со временем стать единой сверхкорпорацией.

Сегодня этот процесс столкнулся как минимум с двумя серьезными преградами: неприятием такого пути развития общества правительствами развивающихся стран, представляющих большую часть населения Земли, и значительной частью собственных элит, свидетельством чего, в том числе, стала победа несистемного кандидата на выборах в США. Новая администрация Дональда Трампа через три дня после инаугурации вышла из Тихоокеанского торгового партнерства и поставила на паузу многолетнюю работу по созданию Трансатлантического торгового партнерства, бросив серьезный вызов международному интернационалу неолибералов (<https://www.kommersant.ru/doc/3200205>).

В заключение можно сделать как минимум два вывода. *Первый.* Созданная с благими намерениями современная макроэкономическая модель стремится в пределе к своему идеалу: единой вертикально интегрированной корпорации, контролирующей все коммуникации и ресурсы и ориентированной исключительно на получение прибыли, не принимая во внимание категории религии, морали, социальной справедливости, демократических или каких-либо иных свобод, оставаясь рациональной и циничной. *Второй.* Вопросы эволюции пропаганды, а точнее, ее сращивания с экономикой, имеет смысл сегодня рассматривать не как частный случай психологии экономики, а как отдельный феномен. Речь не о том, как меняется психология людей, взявших кредиты на 30 лет; какими люди становятся, получив экономическую независимость; как меняются поведенческие экономические паттерны с возрастом или как работают многочисленные теории консюмеризма. Нам видится, что все уже намного сложнее: *экономика и пропаганда стали одним целым.* Эту мысль следует пояснить. Канадский философ Маршалл Маклюэн в своей теории расширения сформулировал простую идею: человек расширяет возможности своего тела с помощью технических средств. Одежда — это «разросшаяся кожа», колесо — это расширение возможностей ног, письменность — расширение возможностей зрения, число — расширение возможностей ося-

зания, и, переходя к более сложным предметам, деньги — это материальный эквивалент труда или времени, а СМИ — это расширение нашей нервной системы и возможностей психики.

Исследуя эту теорию, американский писатель Дуглас Рашкофф в 1994 г. в своей книге «Медиавирус» приходит к еще более парадоксальным результатам. Приведем длинную цитату, чтобы максимально отчетливо проиллюстрировать эту мысль: «Непрерывно расширяющиеся медиа стали настоящей средой обитания — пространством, таким же реальным и, по всей видимости, незамкнутым, каким был земной шар пятьсот лет назад. Это новое пространство называется инфосферой» [10, с. 8]. Далее он формулирует очень интересную гипотезу: «Менее радикальный подход заключается в рассмотрении инфосферы, как непреднамеренной реализации того, что нынешние математики называют «комплексной системой». Теория «комплексных систем», сравнительно новая отрасль математики, ставшая возможной благодаря появлению компьютеров, требует применения нового набора правил, если система — например, погода, океанские волны, население земного шара становится слишком сложной, чтобы ее можно было описать с помощью простых, линейных уравнений. Когда система достигает этого уровня сложности, она становится «хаотической» и демонстрирует совершенно новый набор свойств; эти свойства обычно способствуют разрушению любого навязанного извне порядка или контроля точно так же, как мощь океана, в конце концов, сокрушает сдерживающие ее плотины и дамбы. Но какой бы точки зрения на процесс слияния медиа в инфосферу мы ни придерживались, нам становится ясно, что эта технология вышла из-под управления» [10, с. 36]. Сегодня к этой комплексной системе медиахаоса добавилась неолиберальная постиндустриальная экономика, более того, пропаганда расширилась до самовоспроизводства и стала доминировать над этой неэкономикой, так как создает и прибавочную стоимость, и спрос, регулируя котировки и цены, а «все формы богатства создаются движением информации» [11]. Шведские медиаисследователи Александр Бард и Ян Зондерквист в 2000 г. в своем манифесте «Нетократия» написали: «...реклама + потребитель = желание. Это напоминает процесс фотосинтеза. Реклама есть солнечный свет, потребитель — растение, преобразующее свет в энергию, необходимую для биологического развития... Мы не можем определить, производит ли желание товары и услуги, или товары и услуги про-

изводят желания. Истина в том, что они производят друг друга и производятся друг другом» [12].

Кроме того, цифровая революция реализует «давнюю мечту потребителя и производителя — ликвидацию посредников между теми, кто продает товары или оказывает услуги, и их потребителями, обеспечивая между ними быструю, удобную и надежную связь» (http://www.stoletie.ru/ekonomika/uber_vzryvayet_mir_potreblenija_817.htm). Это сильно снижает контролируемость системы и одновременно создает предпосылки для взрывного роста.

Новая медиаэкономическая модель, как мы видим, стремится к росту, развитию и доминированию. Видимая цель на первом этапе — объединить в одно целое страны «золотого миллиарда». Формально после объединения она должна будет подчиняться надго-

сударственному управлению, но фактически будет предоставлена сама себе, оптимизируя выполнение единственной задачи — генерирования прибыли, вероятней всего, без учета понятий «добро» и «зло». Уже сейчас можно наблюдать, как эта система, находясь только в начальной стадии развития, с большой скоростью сокращает собственное население. Некоторая часть интеллектуального сообщества называет происходящее заговором, но, следуя этой логике, можно прийти куда угодно, например к тезису, что во всем виноват 5000-летний Китай, одолживший на несколько лет «алчным варварам» несколько миллионов рабов.

Синергия экономики и пропаганды породила новую реальность, развитие которой, как нам видится, требует междисциплинарного исследования для ответа на вопрос: «Какое нас ждет будущее?»

Литература

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Ламартис, 2014.
2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости процента и денег. М.: Гелиос АРВ, 2015.
3. Хаксли О.О. Дивный новый мир. М.: Издательство АСТ, 2011. С. 60.
4. Трубецкой. А. Психология репутации. М.: Наука, 2005. С. 15.
5. Бернайс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 1.
6. Бернайс. Э. Инженерия согласия // Полис. 2013. № 4. С. 122–132.
7. Фридман. М. Капитализм и свобода. М.: Новое издательство, 2016.
8. Хомски Н. Прибыль на людях. Неолиберализм и глобальный порядок. М.: Праксис, 2002. С. 27.
9. Платон. Законы. Послезаконие. Письма. СПб.: Наука, 2014.
10. Рашкофф Д. Медиавирус. Скрытая agenda в поп-культуре. М.: Ультра. Культура, 2003.
11. Маклюэн. М. Понимая Медиа. М.: Кучково поле, 2014. С. 70.
12. Бард А., Зондерквист Я. Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики, 2004. С. 146.

References

1. Smit A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nation [Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov]. Moscow, Lamartis, 2014 (In Russ.).
2. Kejn Dzh. M. The general Theory of employment, interest and money [Obshhaya teoriya zanjatosti procenta i deneg]. Moscow, Gelios ARV, 2015 (In Russ.).
3. Haksli O. Brave New World [O Divnyj novyj mir]. Moscow, Izdatel'stvo AST, 2011, p. 60 (In Russ.).
4. Trubeckoj A. Psychology of reputation [Psihologija reputacii]. Moscow, Nauka, 2005, p. 15 (In Russ.).
5. Bernajs Je. Propaganda [Propaganda]. Moscow, Hippo Publishing, 2010, p. 1 (In Russ.).
6. Bernajs Je. The Engineering of Consent [Inzhenerija soglasija]. Polis, 2013, no. 4, pp. 122–132 (In Russ.).
7. Fridman. M. Capitalism and Freedom [Kapitalizm i svoboda]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2016 (In Russ.).
8. Homski N. Profit over People: Neoliberalism and Global Order [Pribyl' na ljudjah. Neoliberalizm i global'nyj porjadok]. Moscow, Praksis, 2002, p. 27 (In Russ.).
9. Platon. Laws. After the law. Letters [Zakony. Poslezakonie. Pis'ma]. St. Petersburg, Nauka, 2014 (In Russ.).
10. Rashkoff D. Media Virus! Hidden agendas in popular culture [Mediavirus. Skrytaja agenda v pop-kul'ture]. Moscow, Ul'tra. Kul'tura, 2003 (In Russ.).
11. Makljujen. M. Understanding Media [Ponimaja Media]. Moscow, Kuchkovo pole, 2014, p. 70 (In Russ.).
12. Bard A., Zonderkvist Ja. Netocracy. The new power elite and life after capitalism [Netokratija. Novaja pravjashhaja jelita i zhizn' posle kapitalizma. Stokgol'mskaja shkola jekonomiki]. St. Petersburg, 2004, p. 146 (In Russ.).